

Дашкова Софья Владимировна

доцент кафедры философии,
социологии и психологии
Волгоградского государственного
технического университета

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация:

Статья посвящена когнитивному аспекту манипуляции в терроризме, направленной на управление сознанием и поведением его актуальных и потенциальных субъектов. В качестве основного инструмента манипуляции рассматривается идеология, которая способствует некритичному присвоению личностью террористических идей, убеждений и установок и формированию определенных интенций. Особое внимание уделяется проблеме когнитивного диссонанса, которую необходимо решить для осуществления террористической деятельности. В связи с этим выделяются основные идеи, влекущие когнитивные искажения в сознании исполнителей террористических актов и снижающие когнитивный диссонанс в отношении деструктивных и суицидальных актов. К таким идеям относятся: виктимизация, невозможность достичь цели законными способами, «цель оправдывает средства», коллективный или индивидуальный долг, миф о враге, сверхгенерализация, миф о героическом мученичестве. Отмечается, что существует проблема дерадикализации субъектов террористической деятельности. Делается вывод о необходимости превентивных психолого-педагогических мероприятий, направленных на снижение количества потенциальных последователей терроризма и противодействие его манипулятивным техникам.

Ключевые слова:

терроризм, манипуляция, деструктивная практика, психологическое насилие, идеология, управление сознанием, когнитивный диссонанс, когнитивные искажения.

Dashkova Sofia Vladimirovna

PhD, Associate Professor, Philosophy,
Sociology and Psychology Department,
Volgograd State Technical University

COGNITIVE ASPECT OF INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS MANIPULATION BY TERRORIST ORGANIZATIONS

Summary:

The paper is focused on the cognitive aspect of manipulation in terrorism, aimed at controlling the consciousness and behavior of its actual and potential subjects. The main tool of manipulation is considered to be ideology, which contributes to the uncritical appropriation of terrorist ideas, beliefs and attitudes by a person and the formation of certain intentions. Special attention is paid to the problem of cognitive dissonance, which must be solved in order to carry out terrorist activities. In this regard, the main ideas that lead to cognitive distortions in the minds of the perpetrators of terrorist acts and reduce cognitive dissonance in relation to destructive and suicidal acts are highlighted. These ideas include victimization, the inability to achieve the goal by legal means, "the goal justifies the means, collective or individual debt", the myth of the enemy, supergeneralization, the myth of heroic martyrdom. It is noted that there is a problem of deradicalization of subjects of terrorist activity. It is concluded that there is a need for preventive psychological and pedagogical measures aimed at reducing the number of potential followers of terrorism and countering its manipulative techniques.

Keywords:

terrorism, manipulation, destructive practice, psychological violence, ideology, mind control, cognitive dissonance, cognitive distortions.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1].

Террористическая деятельность включает разнообразные деструктивные практики, одной из которых является манипуляция сознанием и поведением потенциальных и действующих ее субъектов. Исследование механизмов и инструментов манипуляции с целью вовлечения субъектов в террористическую деятельность имеет большое практическое значение, позволяющее вести превентивную работу, направленную на снижение количества потенциальных последователей и уменьшение числа сочувствующих.

Общий синонимический ряд понятия «манипуляция», довольно часто встречающийся в зарубежной научной литературе, включает такие понятия, как: «контроль сознания» (mind control), «индоктринация» (идеологическая обработка) или «промывание мозгов» (brainwashing), т. е. речь идет о ментальной манипуляции – воздействии на сознание человека с целью его подчинения чужой воле. Когнитивный подход к манипуляции раскрывает эффективность ее тактики, которая

направляет и канализирует мысли объектов в определенное русло и в соответствии с целью инициатора внушает позитивные мысли о предлагаемом способе действия.

Манипуляция в терроризме тонко выстраивается на тщательно подобранных и эффективных инструментах «контроля сознания», которые заставляют человека поверить в то, что он добровольно отказался от личной свободы или жизни в пользу идеологии, лидера или Бога.

Основным инструментом когнитивной манипуляции в терроризме служит идеология, которая, управляя видением, пониманием и осмыслением действительности, способствует интроекции – некритичному присвоению личностью чужих идей, убеждений и установок, внедрению их в мотивационный контекст человека и формированию определенных интенций.

Для успеха манипуляции «требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться» [2, с. 27–28] и которая ликвидирует все другие ее версии, подвергая разоблачению привычные способы видения мира. Как отмечает М. Среншоу: «...совершенно ошибочно полагать, что террористы действуют в рамках последовательной рациональности, основанной на точных представлениях о реальности. На самом деле одна из целей террористических организаций – убедить скептически настроенную аудиторию посмотреть на мир с их точки зрения» [3, р. 12].

В целях манипуляции террористические организации задействуют значимые религиозные символы и аргументы. Так, например, главным нарративом, объединяющим всех мусульман мира, который использует ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация) для привлечения сторонников, является концепция Всемирного исламского халифата. Халифат – это не просто утопическая идея справедливого государства, образец государственного и общественного устройства, но и связанная с ней идея долга – индивидуальной обязанности каждого мусульманина участвовать в боевых действиях на его стороне. Эта утопическая идея объединяет и фанатиков, и романтиков, готовых к насилию во имя осуществления своей мечты.

Манипуляция достигнет цели лишь в том случае, если информация для ее объектов обладает высокой субъективной значимостью, вписывается в их систему культурных ценностей. Создавая свои нарративы, террористы ориентируются на проблемы, которые могут существовать у той или иной социальной группы, акцентируют на них внимание аудитории, объясняют их причины и предлагают способы их решения, вызывая у аудитории эмоциональный отклик, который требует немедленных действий. Так, например, культурно пронизательные джихадисты в Ираке хорошо знают темы, которые резонируют со взглядами широкой мусульманской общественности. Они проделали экстраординарную работу по использованию трех взаимосвязанных эмоциональных нарративов, чтобы обратиться к потенциальным новобранцам со всего мусульманского мира: унижение мусульман от рук иностранцев, бессилие официальных мусульманских правительств перед лицом гегемонистских держав и искупление через верную жертву [4].

Террористические нарративы эффективны благодаря своей простоте и конкретности. Наиболее далеко идущие и сложные человеческие проблемы сжимаются в короткие, весьма редуцирующие, четко звучащие фразы, которые легко запомнить и легко выразить. Они становятся началом и концом любого идеологического анализа [5].

Не обладая достоверными знаниями и развитыми когнитивными способностями, люди часто отказываются осмысливать и проверять то, что скрывается за пределами поверхностных иллюзий, позволяя мифам и символам заменять собой реальность, а общим лозунгам – истинные цели. Выражая абстрактную идею в ясной и доступной форме, облекая ее в весомые слова, представляя готовые идеалы и смыслы, харизматичные лидеры могут вести за собой людей без какой-либо дополнительной мотивации.

Идеологическое прикрытие манипуляции придает террористической деятельности легитимность и нравственное оправдание, ослабляет мощные, естественные барьеры массовых убийств и подчиняет человека единой цели.

Принятие решения и формирование готовности человека стать членом террористической организации являются поворотным пунктом в карьере террориста, которая предваряется очень важным переломным моментом – он должен освободиться от моральных ограничений в отношении насильственных действий, направленных на гражданских лиц, и не испытывать чувства вины, раскаяния или сострадания к ним. Способность и готовность человека сделать этот моральный выбор и определяют его в качестве террориста либо заставляют ужаснуться и отступить. Именно эта готовность хладнокровно калечить, убивать и устрашать невинных людей, не испытывая при этом никакого самоосуждения или чувства вины, не постигается массовым сознанием и позволяет считать террористов психически нездоровыми, тем самым создается иллюзия собственной неуязвимости перед манипуляцией.

Вопрос о том, каким образом насилие становится лично и социально приемлемой формой действий террористов, его обоснование и оправдание со стороны террористических организаций являются актуальными в современных научных исследованиях [6].

Теория когнитивного диссонанса, разработанная Л. Фестингером [7], и механизмы отключения моральной ответственности, описанные А. Бандурой [8] применительно к террористической деятельности, позволяют, на наш взгляд, объяснить, каким образом разрешается моральная дилемма и снимается психологический барьер, препятствующий совершению насилия в отношении невинных людей.

Когнитивный диссонанс – это состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании противоречивых взглядов, убеждений или ценностей. Для того чтобы уменьшить этот дискомфорт и восстановить равновесие, люди используют различные способы (например, изменяют свое поведение, отвергая и избегая одну информацию и отыскивая новую, пытаются оправдать или рационализировать принятое решение или совершаемые действия). Однако внедрение в сознание личности определенных ценностей, идей и убеждений извне является, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных способов снижения когнитивного диссонанса.

Идеологическая манипуляция сознанием личности террориста путем воздействия на моральные императивы помогает отключить ее внутренний моральный контроль от деструктивного поведения. Она является одним из эффективных способов снижения диссонанса между когнициями «Я и моя организация справедливые» и «Я и моя организация причинили смерть и страдания невинным людям», особенно если речь идет о теракте с большим количеством жертв.

А. Бандура исследовал механизмы снятия моральной ответственности человека за свои действия, среди которых он выделяет следующие: моральное оправдание своих действий, смещение или диффузию ответственности за них, искажение, игнорирование или минимизацию вредных последствий своих действий, перекладывание вины на жертв и их дегуманизацию [9].

Таким образом, в результате когнитивной перестройки сознания антигуманное поведение превращается в допустимое и морально оправданное. Исследования показывают, что в риторику террористических организаций по пропаганде и оправданию насильственных методов в области массовой коммуникации сознательно включены механизмы морального освобождения человека от моральной ответственности за свое деструктивное поведение [10].

Для того чтобы террористы могли уверенно, самоотверженно и жестоко осуществлять террористическую деятельность, в их сознание должны быть внедрены определенные когнитивные искажения, представляющие собой совокупность взаимосвязанных и эклектичных идей, включающие в себя элементы мифологии, религии и военной риторики. К идеям, которые «носят декларативный характер и выступают в качестве идеологической мимикрии и прагматического манипулирования» [11, с. 147], относятся следующие.

1. Виктимизация. Чтобы морально обосновать и оправдать насильственные действия, люди должны представлять себя жертвами, борющимися с безжалостными угнетателями или оккупантами, защищающими свои заветные ценности, религию и образ жизни, восстанавливающими справедливость, а страдания, причиненные врагами, – как значительно перевешивающие свои собственные. Таким образом, насилие рассматривается как асимметричный ответ более слабого противника на насилие и рационализирует наступательные действия как оборонительные. Оценивая мотивационные модели, которые, по-видимому, ускорили террористические атаки в Европе, П. Нессер обратил внимание на то, что ключевые оперативники и лидеры регулярно ссылались на оккупацию Палестины, французскую поддержку алжирского режима, российские военные операции в Чечне, войну в Ираке и положительно воспринимали европейскую дискриминацию и преследование мусульман. Он отметил, что доктрина глобального оборонительного джихада против агрессоров, нападающих на ислам и мусульман, выделяется как единственный наиболее важный мотивационный фактор на групповом уровне [12].

2. Невозможность достичь цели законными способами. Моральное оправдание насилия облегчается, когда мирные средства представляются как неэффективные, и нет иного способа произвести изменения, находясь вне системы и не имея власти.

3. Цель оправдывает средства. Террористов учат воспринимать свою цель как высшую, стоящую любых необходимых жертв, включая убийство невинных людей и самопожертвование. Если террористы должны быть готовы пожертвовать своей жизнью, соответственно и цель, во имя которой они идут на этот поступок, должна быть для них более ценной, чем собственная жизнь. Бог, страна, нация, братство, справедливость, свобода относятся к одной и той же категории священных мифов, ради которых люди всегда были готовы жертвовать чужой и своей жизнью.

4. Коллективный или индивидуальный долг. Чтобы насилие получило моральную легитимацию, оно должно рассматриваться как выполнение долга перед Богом, страной, общиной, семьей, друзьями. Например, религиозный долг часто помещается в правовую сферу ислама, его

основная функция как этически принудительной мотивационной силы состоит в том, чтобы усилить уровень когнитивного диссонанса, с которым может столкнуться мусульманин, наблюдая очевидную оккупацию мусульманских земель. Добавление к когнитивному диссонансу ярко выраженного этического аспекта увеличивает уровень психического дискомфорта потенциальных террористов.

5. Миф о враге. Формирование восприятия «другого» в образе «врага», который воспринимается как внешняя угроза террористической организации, является связующим и мобилизующим группой фактором, способствующим групповой идентификации и сплоченности. Для формирования образа врага в террористическую риторику включены бинарные оппозиции «свой – чужой», «мусульмане – неверные», которые снимают все сомнения по вопросу о том, какая из групп может мыслиться в категории добра, а какая – зла и соответственно заслуживает наказания.

Дихотомичное мышление «мы – они» отсекает террористов от других групп и предлагает присваивать им дегуманизирующие и демонизирующие ярлыки, такие как «сыны собак и обезьян», «враги ислама» и иные, давая веру в то, что чужая группа людей является низшей или угрожающей. Процесс негативной маркировки человека или группы людей, отрицание в них человеческих качеств позволяют воспринимать их не как реальных людей, а как объекты, вызывающие чувства ненависти, презрения; моральные сомнения и ограничения блокируются с самого начала. Таким образом, в результате использования лингвистических техник формируются когнитивные aberrации по снижению ценности и значимости враждебных групп людей, которые являются основанием вынесения им смертного приговора. Безусловно, дегуманизация врага не является уникальной техникой терроризма и часто служит неотъемлемой частью любого карательного и агрессивного поведения по отношению к другим людям, включая обычные войны. Однако в случаях гибели большого количества гражданских лиц обесценивание жертв должно быть особенно экстремальным и разрушительным. «Противник не просто отрицается из-за его позиции, он еще непременно и дискредитируется, а часто и демонизируется. Конфликту придается такой вид, как если речь шла не о зле, а об абсолютном зле, и не о борьбе за какие-то конкретные цели и интересы, а о столкновении добра и зла в чистом виде» [13, с. 25].

6. Сверхгенерализация – виновность врага распространяется на все население. Осуществление насилия в отношении третьих лиц с психологической и нравственной точек зрения является более трудным делом, чем насилие против непосредственных врагов, например политических деятелей, которые поддерживают репрессивные режимы. Однако террористы, охваченные ненавистью, нападают не на конкретных людей, они атакуют образ врага, спроецированный на гражданское население, что придает насилию тотальный характер. Преувеличение виновности жертв терактов дает убежденность в том, что они заслуживают то, что получили. И, чем больше человек оправдывает свою жестокость, тем легче она совершается, ловушка рационализации превращается в раскручивающуюся спираль.

7. Миф о героическом мученичестве. Подготовка террориста-смертника, увлекающего за собою жертвы ценой собственной жизни, который не изменит своего решения, подвергая группу риску и пустым тратам времени на приготовление теракта, требует особо тщательного выбора манипулятивных приемов и их комбинации. Индивиды, как правило, не мотивированы принимать участие в суицидальном терроризме без идеологии, которая руководит ими; также они, как правило, нуждаются в организации по оснащению и руководству ими для выполнения своих действий [14].

Таким образом, идеология терроризма, проясняющая смысл и обосновывающая назначение террористической деятельности ее потенциальным и действующим субъектам, является мощным инструментом когнитивной манипуляции сознанием личности.

Подготовка новобранца к роли террориста-смертника требует использования особых манипулятивных техник. И, если идеологические мотивы не являются достаточными основаниями для того, чтобы человек стал стратегическим оружием, то ему следует указать более весомые выгоды, которые он мог бы извлечь из этого поступка. Например, ему можно предложить стать кем-то большим, нежели он есть на самом деле, а именно мучеником – за свою веру, страну, нацию или общину. Потенциальных террористов-смертников часто выбирают из-за легкости, с которой они подчиняются религиозной манипуляции. Вряд ли молодые набожные мусульмане являются достаточно осведомленными и обладают глубоким пониманием идеологических вопросов, а также способностью к критической оценке полученной информации. Скорее всего, они будут доверять инструкциям и разъяснениям конкретных авторитетов – наставников и харизматичных религиозных лидеров, даже тогда, когда речь идет о самоубийстве. Поэтому сочетание идей выполнения особой миссии, означающей восхождение человека к возвышенному статусу мифического героя, возможность открыть дверь в рай для себя и своей семьи быстрым способом, достижение бессмертия и получение небесной награды являются для них более понятными и привлекательными, чем сложности идеологии.

Будущие террористы-смертники участвуют в длительных, строго контролируемых тренировках по индоктринации. Условия социальной изоляции и различные тактики социально-психологического давления обеспечивают возможность тотального воздействия на будущего террориста-смертника, принудительно подтверждая его «новорожденную» идентичность будущего «мученика». Наибольшая эффективность в достижении цели манипуляции при этом достигается за счет сочетания различных техник, с помощью которых человека подводят к мысли о необходимости и неотвратимости его смерти, подталкивая его шаг за шагом к точке невозврата.

Таким образом, использование манипулятивных техник вовлечения людей в террористические организации представляет собой психологическое насилие, способствующее негативным изменениям психики, сознания и поведения человека, превращая его из субъекта, обладающего свободной волей, в объект чужой злой воли. Манипуляция предваряет вступление людей на путь терроризма, облегчая этот процесс, и сопровождает их в террористической деятельности до последнего отчаянного шага в небытие.

В настоящее время отсутствуют эффективные модели дерадикализации субъектов террористической деятельности, их социальной реадaptации и интеграции в общество. В связи с этим особое значение имеют превентивные мероприятия по противодействию террористической манипуляции, направленные на снижение количества потенциальных последователей терроризма. Наиболее перспективными направлениями являются: выявление групп риска с точки зрения повышенной уязвимости к террористической риторике, а также просветительская деятельность, раскрывающая механизм и смысл манипулятивных воздействий, позволяющая сформировать когнитивные инструменты защиты личной безопасности.

Ссылки:

1. О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 10 марта 2006 г. № 4014.
2. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. М., 1980. 326 с.
3. Crenshaw M. The Subjective Reality of the Terrorist: Ideological and Psychological Factors in Terrorism // *Current Perspectives on International Terrorism* / ed. by R.O. Slater, M. Stohl. L., 1988. P. 12–46. https://doi.org/10.1007/978-1-349-18989-2_2.
4. Hafez M. Martyrdom Mythology in Iraq: How Jihadists Frame Suicide Terrorism in Videos and Biographies // *Terrorist and Political Violence*. 2007. Vol. 19. P. 95–115. <https://doi.org/10.1080/09546550601054873>.
5. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20 (3). P. 415–433. <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>.
6. Дулян С.С. Современная террористическая идеология: механизмы религиозной юстификации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 137–140. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-137-140>; Daskin E. Justification of Violence by Terrorist Organisations: Comparing ISIS and PKK // *Journal of Intelligence and Terrorism Studies* 1. 2016. Vol. 1. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.22261/plv6pe>.
7. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. L., 1957. 291 p.
8. Bandura A. Moral Disengagement: Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. N.Y., 2016. 544 p. <https://doi.org/10.1017/beq.2016.37>.
9. Там же.
10. Sarma K. Defensive Propaganda and IRA Political Control in Republican Communities // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2007. Vol. 30 (12). P. 1073–1094. <https://doi.org/10.1080/10576100701670888>.
11. Дашкова С.В. Идеология современного терроризма // Вестник Калмыцкого университета 2017. № 1 (33). С. 141–148.
12. Nesser P. Jihad in Europe; Recruitment for Terrorist Cells in Europe [Электронный ресурс] // *Paths to Global Jihad: Radicalisation and Recruitment to Terror Networks. Proceedings from a FFI Seminar* / ed. by Bokhari [et al.]. Oslo. 15 March 2006. P. 9–21. URL: <http://rapporteur.ffi.no/rapporteur/2006/00935.pdf> (дата обращения: 09.04.2020).
13. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // *Вопросы философии*. 2004. № 3. С. 19–28.
14. Speckhard A. Sacred Terror: Insights Into the Psychology of Religiously Motivated Terrorism [Электронный ресурс] // *Radicalism: Christianity, Islam and Judaism between Constructive Activism and Destructive Fanaticism*. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/237312063_Sacred_Terror_Insights_into_the_Psychology_of_Religiously_Motivated_Terrorism1 (дата обращения: 18.09.2020)

Редактор: Фетисова Ирина Викторовна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна